

# К ВОПРОСУ О ПРИЗНАКАХ ЯЗЫКОВОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ТЕКСТЕ (ИЗ ОПЫТА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ)

## TO THE QUESTION OF THE SIGNS OF LINGUISTIC EXTREMISM IN THE TEXT (FROM THE EXPERIENCE OF LINGUISTIC EXPERTISE)

*I. Yanchenkova*

*Summary.* The article discusses the signs of linguistic extremism in Russian speech. The author describes the appeal as a form of representation of linguistic extremism and its grammatical means of expression, reveals their functional-semantic and communicative-pragmatic properties, proposes a procedure for analyzing the presence or absence of linguistic extremism in the text. The materials of the article are of practical value for linguists, lawyers dealing with issues of forensic linguistic examination based on Russian speech, as well as for students and masters studying text linguistics, text analysis, linguistic examination.

*Keywords:* language extremism, appeal, addresser, addressee, communicative intention, perlocative effect, linguistic examination.

**Янченкова Ирина Сергеевна**

*К.филол.н., доцент, ФГБОУ ВО «КамГУ им. Витуса Беринга», г. Петропавловск-Камчатский  
isy1976@mail.ru*

*Аннотация.* В статье рассматриваются признаки языкового экстремизма в русской речи. Автором описаны призыв как форма репрезентации языкового экстремизма и грамматические его средства выражения, выявлены их функционально-семантические и коммуникативно-прагматические свойства, предложена процедура анализа наличия или отсутствия языкового экстремизма в тексте. Материалы статьи представляют практическую ценность для лингвистов, юристов, занимающихся вопросами судебной лингвистической экспертизы на материале русской речи, а также для студентов и магистров, изучающих лингвистику текста, анализ текста, лингвистическую экспертизу.

*Ключевые слова:* языковой экстремизм, призыв, адресант, адресат, коммуникативное намерение, перлокутивный эффект, лингвистическая экспертиза.

## Введение

Современная русская речевая среда характеризуется наличием в ней вербальной агрессии, понимаемой как форма агрессивного, конфликтного поведения коммуникантов, для которой характерно «использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности; манера речи, оскорбляющая чье-либо самолюбие, достоинство» [9, с. 340]. Агрессия в речи объясняется разными причинами: буквальное понимание коммуникантами свободы слова, негативное отношение отдельных коммуникантов к лицам разных национальностей (или рас), того или иного вероисповедания, пренебрежение коммуникантами общепринятыми нормами морали и этики, низкая речевая культура и культура поведения некоторых коммуникантов или групп коммуникантов, распространение информации о насилии и агрессии (в любых формах ее проявления) в российском обществе и в целом, в мире. Некоторые формы вербальной агрессии коммуникантов становятся объектом права и закона, судебных разбирательств.

Специально описанием и анализом фактов вербальной агрессии занимается новый раздел русского языкознания — юрислингвистика, «объектом изучения которой являются взаимоотношения языка и права» [4,

с. 5]. Юрислингвистика — прикладная дисциплина, результаты и достижения которой применяются в лингвистической экспертизе — специальном лингвистическом исследовании, направленном на выявление фактов правонарушения, преступления с помощью средств языка и речи. Теоретическим и практическим изучением вопросом и проблем юрислингвистики занимаются современные российские ученые: Баранов А. Н. [1], Бринёв К. И. [2, 3], Голев Н. Д. [5], Грачёв М. А. [4], Осадчий М. А. [7, 8], Чернышова Т. В. [10] и другие.

Объект нашего исследования — способы и средства репрезентации языкового экстремизма в текстах, предложенных для судебной лингвистической экспертизы в Камчатском крае. В Камчатском крае истцами по делам о языковом экстремизме являются представители власти и закона, призванные выявлять признаки экстремистской деятельности, в том числе в языке и речи.

Цель данного исследования заключается в выявлении и описании способов и средств репрезентации языкового экстремизма, в определении наличия или отсутствия фактов и признаков языкового экстремизма в текстах, предложенных для лингвистической экспертизы. В качестве способов языкового экстремизма нами рассматриваются контактные и дистантные, прямые

и косвенные формы речи, направленные против группы лиц, характеризующейся по социальному, национальному, расовому, половому, религиозному признаку. Под средствами языкового экстремизма нами понимаются разноуровневые языковые единицы, функционирующие в речевом акте призыва, содержащие маркировку агрессивного речевого поведения коммуникантов, оказывающие негативное воздействие на адресата и реализующие перлокутивный эффект, заключающийся в негативном отношении адресата к группе лиц по социальному, национальному, расовому, половому, религиозному признаку.

Материалом исследования послужили тексты, предложенные нам для проведения судебной лингвистической экспертизы с целью определения судом Камчатского края и г. Петропавловска-Камчатского меры наказания адресантов исследуемых речевых продуктов. Такие тексты функционируют в устной и письменной коммуникации, являются предметом обсуждения и распространения в виде видеозаписей или печатной продукции.

Основным методом нашего исследования является метод лингвистического наблюдения, связанный с методом лингвистического анализа (словообразовательного, лексического, морфологического, синтаксического и стилистического) анализов. Кроме того, нами использован метод интроспекции как наблюдение специалистом себя в качестве объекта исследования, являющегося дополнительным информантом о вербальных и невербальных реакциях адресата на тот или иной текст, а также применены дистрибутивный метод, контекстологический метод, метод коммуникативно-прагматического анализа, метод функционально-семантического анализа.

Так, для проведения судебной лингвистической экспертизы в рамках разных уголовных дел поступили материалы для исследования на предмет наличия или отсутствия в них признаков языкового экстремизма. Данные тексты стилистически и тематически близки и посвящены вопросам интерпретации библии, а также рекомендациям, предписаниям, связанным с формированием и развития духовно-нравственных ценностей конкретных либо потенциальных адресатов.

Экстремизм, в том числе языковой экстремизм, связан с понятиями *нация (национальность), раса, социальный, религия, язык, происхождение, пол*. Данные понятия являются маркерами речевой деятельности некоторых коммуникантов, которые в определённом вербальном пространстве могут вызывать у носителей или пользователей русского языка негативное отношение к человеку, группе лиц и побуждать их к конфликтам

на основе названных понятий. Такая речевая деятельность в юрислингвистике понимается как языковой экстремизм [4, с. 54].

В предложенных для судебной лингвистической экспертизы материалах (печатная продукция и видеозапись диалогов группы лиц) нами не выявлены лексемы, обозначающие понятия *нация, раса, социальный, религия, язык, происхождение, пол*. Однако в речевых действиях коммуникантов в исследуемых речевых ситуациях выделены лексические единицы, относящиеся к лексико-семантическим группам «религия», «национальность», «пол», например,

1. N (по объективным причинам нами исключены фамилии, имена авторов исследуемых контекстов): *... рассмотрим, как молодые христиане и их родители могут проявлять мужество, когда это особенно важно, в каких ситуациях пожилым сестрам может быть необходима смелость, и как крещенные братья могут проявлять мужество ...* (из материалов экспертизы);
2. N: *Еще один пример мужества Рааб. Когда к ним в дом пришли израильские разведчики, она могла поддаться страху и отказать им в помощи, но Рааб доверилась ..., она спрятала у себя разведчиков и помогла им бежать* (из материалов экспертизы);
3. N: *Хрупкая, небольшая женщина, которой не свойственны такие мужские качества, как мужество, принять такую сторону... А вот именно насколько, у человека была вера: то, что она стоит за истинного Бога, что она сможет это пережить, преодолеть* (из материалов экспертизы).

В приведенных контекстах коммуникантами употреблены слова:

1. *христиане (христианин)* — единица лексико-семантической группы «религия», имеющее значение «последователь христианства» [6, с. 1302];
2. *израильские (израильский)* — единица лексико-семантической группы «национальность», выражающее значение «относящийся к израильтянам, к Израилю»;
3. *женщина* — единица лексико-семантической группы «пол», реализующее значение «лицо, противоположное мужчине по полу, та, которая рождает детей и кормит их грудью» [6, с. 297].

Анализируемые слова *христиане, израильские, женщина* являются стилистически нейтральными единицами языка, не содержат негативной окраски, и в исследуемых текстах являются средствами номинации предметов или признаков, которыми пользуется адресант для выражения своих мыслей. Выявленные слова

не создают в сознании адресатов отрицательных образов христиан, израильских разведчиков или женщин, а наоборот, свидетельствуют о положительных качествах или формах поведения описываемых лиц.

Текст (или контекст) квалифицируется как возбуждающий национальную, расовую, религиозную или социальную вражду, выражающий национальную, расовую, социальную, религиозную или половую дискриминацию в том случае, если прямо способствует формированию в сознании адресата негативного образа человека или группы лиц на основе принадлежности к специальной группе по национальному, расовому, социальному, религиозному или половому признаку [4, с. 57].

Для того, чтобы вербальная информация была признана возбуждающей негативные чувства у адресата, она должна быть направлена на формирование отрицательного отношения к неким лицам, основанное не на личностных качествах, а на их принадлежности к специальной группе по национальному, расовому, социальному, религиозному или половому признаку [4, с. 57]. В проанализированных текстах и контекстах таких признаков языкового экстремизма нами не выявлено.

Коммуникативное действие, возбуждающее негативные чувства к специальной группе лиц на основе их вышеназванных признаков, вызывает перлокутивный эффект у адресата, то есть реакцию получателя в форме вербального или невербального действия в форме ненависти и вражды.

На достижение соответствующей реакции направлены «высказывания, содержащие:

- ◆ перенос различного рода негативных характеристик и пороков отдельных представителей на всю группу;
- ◆ приписывание всем представителям группы стремления следовать тем древним обычаям, верованиям, традициям, которые негативно оцениваются современной культурой;
- ◆ утверждение о природном превосходстве одной группы и неполноценности или порочности других;
- ◆ приписывание враждебных действий и опасных намерений одной группы по отношению к другим;
- ◆ возложение вины и ответственности за деяния определённых представителей на всю группу;
- ◆ утверждение об изначальной враждебности определённых представителей группы по отношению к другим;
- ◆ утверждение о полярной противоположности и несовместимости интересов одной группы с интересами других;

- ◆ утверждение о наличии тайных планов, заговоров одной группы против другой;
- ◆ объяснение бедствий и неблагополучия в прошлом, настоящем, будущем существованием и целенаправленной деятельностью определённых групп;
- ◆ поощрение геноцида, репрессий, депортации в отношении представителей какой-либо нации, расы, религии;
- ◆ требования вытеснения из различных сфер деятельности лиц определенной национальной, расовой, конфессиональной принадлежности;
- ◆ требования ограничить права и свободы граждан или создать привилегии по национальному, расовому или религиозному признаку;
- ◆ угрозы насильственными действиями в отношении лиц определенной национальности, расы или религиозной принадлежности» [8, с. 125–126].

В ходе анализа материалов судебной лингвистической экспертизы нами не выявлены высказывания, содержащие перечисленные признаки, не обнаружена в речевых действиях коммуникантов вербальная информация, возбуждающая отрицательное отношение к кому-либо или группе лиц по национальному, расовому, социальному, религиозному или половому признаку.

Одной из главных форм выражения языкового экстремизма является речевой акт призыва, представляющий собой вербальную конструкцию, содержащую глагол в форме повелительного наклонения (*иди, забери, требуй*) или эквивалентных ему речевых средств (*Поборемся! Все — на баррикады!*) и образ адресата — тот, кто должен выполнить действие, кто может быть заявлен открыто: в форме обращения (*Граждане! Товарищи!*), личного местоимения (*ты должен ..., нам необходимо ...*) или отсутствовать (*За Родину!*).

В вербальной формуле призыва закодировано коммуникативное намерение адресанта, которое представлено следующим образом: «Я хочу, чтобы ты сделал N» [1, с. 412] или «Хочу, чтобы было X»; «Знаю, что X не может произойти само» [3, с. 221].

Призыв как форма выражения языкового экстремизма является наиболее радикальной, открытой формой речевого воздействия на поведение адресата, категоричность которого нередко реализуется восклицательными конструкциями (*Бей инородцев — спасай страну!*).

Возбуждение национальной, расовой, религиозной или социальной розни также строится в форме призыва, не только эксплицитного смысла, но и выраженного им-

плицитно, в подтексте (*Необходимо спасти страну, нужно избавляться от иноверцев!*). Пропаганда превосходства, исключительности по признаку национальной, расовой, религиозной или социальной принадлежности тоже выражается в форме косвенного призыва (*Россия — для русских!*).

В случаях возбуждения социальной или иной розни, пропаганды превосходства по социальному или другому признаку у адресата формируется социальная либо иная нетерпимость, нетолерантное, негативное отношение к представителям специальной группы.

Таким образом, для выражения языкового экстремизма в современном русском языке имеется набор разных речевых средств, способных в определенном смысловом пространстве реализовать побуждение к совершению противоправных действий или вызвать негативное чувство, отношение к неким лицам или группам лиц.

Анализируемые материалы, предложенные для судебной лингвистической экспертизы, несут тематически обусловленный характер: посвящены пониманию и объяснению отраженных духовно-нравственных ценностей в Библии последователями одной из организаций (по объективным причинам нами не названа), таких: как духовная сила, чистота мыслей, мужество, любовь, ценность жизни, милосердие, сострадание.

Помимо интерпретаций религиозного и духовного плана, в монологах и диалогах коммуникантов в исследуемых материалах функционируют высказывания в форме совета, рекомендации, побуждающие адресата к формированию и развитию в себе духовно-нравственных ценностей.

Такие высказывания содержат разнообразные грамматические средства побуждения:

1. форма повелительного наклонения глагола единственного или множественного числа: *И знаете хотя утренняя пробежка она очень полезна, она хорошо влияет на наше здоровье, но поддерживать хорошую духовную форму, насколько важнее, ведь от этого зависит жизнь, жизнь вечная. Поэтому усердно **тренируйтесь**. **Сделайте** все, чтобы проявлять и дальше стойкость и это предаст нам много сил, чтобы на большой скорости войти в новый мир; Мы должны бежать за стойкостью, **подражайте** тем, кто подает хороший пример* (из материалов экспертизы);
2. форма глагола 1-го лица множественного числа в сочетании с частицей *давайте*; такие конструкции в речи коммуникантов реализуют значение побуждения к совместному речемыслительному или

эмоциональному действию: ***Давайте** вернемся к примеру с бегуном, **представьте**, вы наблюдаете соревнования; **Давайте** посмотрим, как любить на деле и поистине; **Давайте** сейчас увидим, как можно проявлять предусмотрительность в сети, ну, например, читая чей-нибудь блог* (из материалов экспертизы);

3. инфинитив в значении повелительного наклонения глагола, репрезентирующий семантику совета, рекомендации: ***Не бояться** стремиться брать на себя больше обязанностей; **Быть** готовым пожертвовать собственными интересами; **Ждать** терпеливо, требуется от нас смирение, такое духовное качество, свойственное духовным людям* (из материалов экспертизы);
4. форма глагола 3-го лица единственного числа в сочетании с частицей *пусть* в значении совета, пожелания: ***Пусть** в вашей жизни **не будет** места любви к деньгам, будьте довольны тем, что есть, потому что он сказал «ни за что не оставлю тебя и ни в коем случае не покину тебя»* (из материалов экспертизы);
5. форма глагола 1-го лица множественного числа *призываем* в сочетании с инфинитивом *быть* и качественным прилагательным: ***Мы призываем** всех крещенных братьев **быть мужественными*** (из материалов экспертизы) — данное высказывание выражает побуждение к формированию у адресата и реализации им качества, тождественного храбрости, силе духа.

Так, выявленные грамматические конструкции со значением побуждения реализуют в контексте видеолекций или диалогов коммуникантов значение совета, пожелания, рекомендации. *Рекомендация* в толковом словаре русского языка трактуется как, то же, что рекомендовать: «дать (давать) благоприятный отзыв о ком-чём-н., предложить (–лагать) использовать. *Рекомендация опытного работника* [6, с. 1011].

В отличие от призыва в текстах-рекомендациях отсутствуют признаки языкового экстремизма, так как в них императив и другие формы со значением побуждения выражают предложение адресату вести себя так или иначе. Призыву же свойственна некоторая категоричность: вести себя только так, однозначно, не иначе.

Кроме того, в материалах исследования нами выявлены конструкции со значением модальной оценки (готовность, долженствование, необходимость, надобность произвести то или иное действие, реализовать качество), которые также характерны для текстов, содержащих рекомендации или предписания:

1. слова категории состояния с модальным значением в сочетании с инфинитивом: ***Опасно** также*

перенять такое мышление «Живи для себя, делай то, что тебе нравится и пусть никто тебе не указывает»; **Нужно** использовать любую возможность, чтобы хвалить друг друга. Ведь Библия говорит, что такие слова укрепляют; **Нужно** обращаться за советом к духовно зрелым и прислушиваться к этому совету (из материалов экспертизы);

2. прилагательные с модальным значением в сочетании с инфинитивом *Родители **должны** подавать своим детям пример, быть примером, ставить на первое место духовные цели ...* (из материалов экспертизы).

Исследование материалов, предложенных для судебной лингвистической экспертизы, показало, что видеолекции и диалоги коммуникантов представляют собой тексты-интерпретации библии и тексты-рекомендации, тексты-предписания, связанные с вопросами формирования и развития духовно-нравственных ценностей самих адресантов либо их адресатов.

Таким образом, проведённое исследование показало, в представленных материалах отсутствуют речевые

средства призыва как формы побуждения к осуществлению экстремистской деятельности и призывы, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе.

## Заключение

Речевой акт призыва способен к нейтрализации в некоторых видах речи, но при этом в данной позиции он оказывает воздействие на адресата [5, с. 415]. У адресатов, владеющих языковыми нормами и культурой речи, в речевых продуктах типа интерпретации, рекомендации и предписания не возникают представления об экстремистском содержании. Не каждое императивное высказывание, не любая конструкция с семантикой побуждения квалифицируется как призыв, как признак языкового экстремизма, так как в русской речи семантическое поле побуждения включает разные значения и их оттенки, а призыв — лишь одна из разновидностей репрезентации семантики побуждения.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика: учебное пособие. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. — 592 с.
2. Бринёв К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография. — Барнаул: Изд-во Алтайской государственной педагогической академии, 2009. — 252 с.
3. Бринёв К. И. Судебная лингвистическая экспертиза: методология и методика: монография. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. — 304 с.
4. Грачёв М. А. Судебно-лингвистическая экспертиза: учебник. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. — 360 с.
5. Голев Н. Д. «... Восстать, вооружиться, победить ...»: Шекспир и экстремизм // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право: межвузовский сб. научных трудов / под ред. Н. Д. Голева. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. — С. 412–416.
6. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Л. И. Скворцова. — М.: Мир и образование, 2016. — 1376 с.
7. Осадчий М. А. Правовой самоконтроль оратора. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. — 316 с.
8. Осадчий М. А. Русский язык на грани права. Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. — М.: Книжный дом «Либриком», 2016. — 256 с.
9. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2003. — 696 с.
10. Чернышова Т. В. Стилистический анализ как основа лингвистической экспертизы конфликтного текста // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии: межвузовский сб. научных трудов / под ред. Н. Д. Голева. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. — С. 236–244.

© Янченкова Ирина Сергеевна ( isya1976@mail.ru ).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»